

«Кризис поступка» героя в повести А. Д. Галахова «Старое зеркало»

*Татьяна Васильевна Швецова*¹

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, Набережная Северной Двины, 163000 Архангельск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
 0000-0001-9637-6958. E-mail: t.shvetsovaat@narfu.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Швецова Т. В., 2023

Аннотация. *Цель* статьи — дать характеристику литературного героя повести «Старое зеркало», принадлежащей перу автора, выступавшего под псевдонимом Сто-один на страницах журнала «Отечественные записки» в 1845 г. Изучение русских повестей сороковых годов XIX в., в частности повестей А. Д. Галахова, актуально в контексте поиска модели героя русской литературы. *Результаты.* В статье рассматривается проблема традиции и новаторства в изображении русского литературного героя. Обсуждается вопрос о появлении «непоступающего героя» в мире русских повестей второй трети XIX в. Ситуация «кризиса поступка» трактуется как результат онтологической неопределенности героя в мире.

Ключевые слова: поступок литературного героя, «кризис поступка», А. Д. Галахов, русская литература XIX в.

Для цитирования: Шевцова Т. В. «Кризис поступка» героя в повести А. Д. Галахова «Старое зеркало» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 97–111. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-97-111

The Hero's «Deed Crisis» in the Story «The Old Mirror» by A. D. Galakhov

*Tatiana V. Shevtsova*¹

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Emb., 163000 Arkhangelsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
 0000-0001-9637-6958. E-mail: t.shvetsovaat@narfu.ru

Abstract. The *purpose* of the article is to characterize the literary hero of the story “The Old Mirror”, written by the author, who appeared under the pseudonym Sto-odin on the pages of the magazine “Otechestvennye Zapiski” in 1845. The study of the Russian novels of the forties of the XIX century, in particular the novels of A.D. Galakhov, are relevant in the context of the search for a model of the hero in the Russian literature. *Results.* The article deals with the problem of tradition and innovation in the depiction of the Russian literary hero. The issue of the appearance of the “incomprehensible hero” in the world of Russian novels of the second third of the XIX century is being discussed. The situation on the “crisis of the deed” is interpreted as a result of the ontological uncertainty of the hero in the world.

Keywords: deed of a literary hero, «deed crisis», A. D. Galakhov, Russian literature of the XIX century

For citation: Shevtsova T. V. The Hero’s «Deed Crisis» in the Story «The Old Mirror» by A. D. Galakhov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 2: 97–111. (In Russ.). DOI: 0.22162/2587-6503-2023-2-26-97-111

1. Введение

Понятие «поступок литературного героя» входит в одну парадигму с такими ключевыми литературоведческими терминами, как «литературный герой», «сюжет», «хронотоп». Поступок литературного героя является категорией, введенной в научный оборот М. М. Бахтиным в отрывке «К философии поступка» [Бахтин 2003]. Ученый определяет поступок следующим образом: «...вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всю свою жизнь, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления...» [Бахтин 2003: 4]. В логике философа человек тем отличается от вещи, что делает выбор в совершении поступка и несет ответственность за этот выбор. В мире только одно существо в единую минуту времени совершает конкретный и единственный поступок, тем самым заявляя о своем присутствии и существовании. В поступке определяется онтологическая сущность литературного героя.

Пожалуй, самое точное определение этому понятию дает в своем диссертационном исследовании М. А. Селезнева. Обобщив наблюдения философов, психологов, она формулирует определение поступка, приемлемое для литературоведения, указывая в нем основные структурные элементы: «Являясь основным принципом изображения действующих лиц в литературном произведении, поступок включает в себя внешние ощутимые формы их поведения, а также внутренние состояния сосредоточенности мыслей, задумчивости и сильные душевные впечатления, испытываемые персонажами, причем поступок является одной из составляющих сюжета литературного произведения, который складывается из событий, а события из поступков действующих лиц» [Селезнева 2006: 68]. Таким образом, данное толкование обнаруживает три составляющие, которые позволяют исследовать поступок литературного героя как систему: уровень свойств, уровень отношений, уровень элементов. Уровень свойств (атрибутов поступка): поступок литературного героя сюжетен. Уровень отношений: поступок помогает герою выстроить отношения с другими персонажами, с миром, обществом, группой, с самой собой. Уровень элементов: внешние (формы поведения) и внутренние (переживания, впечатления, мысли и т. д.). На основе предложенного подхода была построена матрица анализа поступка литературного героя [Швецова 2020].

Исследовательская задача нашей статьи состоит в определении ключевых свойств поступка литературного героя повести «Старое зеркало» (1845) А. Д. Галахова, не составляющей классический канон русской литературы, в контексте литературных исканий 40-х гг. XIX столетия, в аспекте проблемы «кризиса поступка» героя.

2. Методология исследования

В отечественной филологии сложилась обширная исследовательская практика, посвященная изучению поступков литературных героев. Значительный вклад в разработку теории данного вопроса внесли Н. А. Бушуева [Бушуева 2019], Л. Г. Кришталёва [Кришталёва 2010], Р. М. Ханинова [Ханинова 2006] и др. Соглас-

но точке зрения литературоведа Р. М. Ханиновой, поступок есть отражение одной из новых форм психологизма. Ученый в своей монографии анализирует проблему поступка героя в свете исторической ситуации «кризиса поступка», отказа личности от «инициативы поступка»; противопоставляет «поступающее» и «непоступающее» сознание, активный поведенческий потенциал и напряженное бездействие персонажей [Ханинова 2006: 12–38]. С нашей точки зрения, «кризис поступка» есть разрыв между мотивом поступка и его продуктом. «Кризис поступка» возникает в литературе тогда, когда остро поднимается вопрос о том, кто он — русский литературный герой и каковы параметры его поступка, обнаруживая зияющую пустоту на месте привычного эпического героя. Другими словами, в истории литературы в 40-х гг. XIX столетия возникает герой, не ориентированный в мире своего поступка, или «непоступающий герой».

Н. И. Николаев предлагает для размышления идею о том, что литературный герой всегда совершает поступок, именно он является «центром исхождения поступка». Поступок соединяет события сюжета: «без учета поступка событие распадается на бессмысленное множество его составляющих, на “химические элементы”, перестает быть органичным, внутренне связанным целым» [Николаев 2012: 174].

Ученые-филологи исследуют разнообразные виды поступков литературных героев: поступок как сокрытие или обнажение неблагоприятных сюжетов истории [Джумайло 2014]; антипоступок, в основе которого лежит конфликт героя с миром, природой, обществом; поступок-действие; поступок-самоубийство [Николаев, Швецова 2014]; «уход из мира» как поступок [Швецова 2014]; поступок-служение [Земляникин 2018]. Однако единого подхода к типологическому изучению поступков, совершаемых героями русской литературы, в литературоведении пока нет.

3. Материалы исследования

Выбор в качестве материала исследования произведения А. Д. Галахова (1807–1892) — писателя, не принадлежащего к

первому ряду авторов русской литературы, был продиктован следующими факторами.

Во-первых, А. Д. Галахов в большей степени известен как ученый, историк литературы, автор педагогических пособий по истории русской литературы. В 1848 г. А. Д. Галахов [Галахов 1848] дал оценку романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», совершенно отличную от оценки В. Г. Белинского. В меньшей степени А. Д. Галахов известен как беллетрист. Сам писатель называл свои прозаические произведения «беллетристическими покушениями» [Галахов 1999: 164]. В этом качестве он начал пробовать себя в 1840-х гг. Поместив в журнале «Отечественные записки» ряд своих произведений («Старое зеркало», «Ошибка» и «Кукольная комедия»), А. Д. Галахов заявил о себе как об участнике нового литературного направления, получившего у историков литературы обозначение «натуральная школа». Приемы этого направления сочетались с романтическим сюжетом в трех его повестях.

Во-вторых, беллетристические сочинения этого автора содержали в себе самые известные и популярные сюжеты русской литературы, востребованные читателями русских журналов.

Перечисленные причины позволяют показать механизмы, происходящие внутри русского литературного процесса 40-х гг. XIX в.

4. Трансформация героя повести «Старое зеркало» в контексте литературной традиции

По утверждению самого А. Д. Галахова, его повесть «Старое зеркало» «заслужила одобрение славянофилов, которые хвалили ее А. О. Армфельдту <...>. Им пришлось по вкусу главное женское лицо, в особенности его сострадание к крестьянскому быту, стесненному крепостным правом» [Галахов 1999: 164].

Не занимаясь специально анализом сюжета повести А. Д. Галахова, в одной из своих статей А. А. Григорьев дает следующую оценку: «в эстетическом отношении она страждет многими странными промахами и недостатками, но на ней лежит след тяжелой, грустной думы и строгого, хотя несколько одностороннего анализа: все идеальные лица не удались автору, но зато везде, где кос-

нулся он повседневных явлений, он проследил их с беспощадно последовательностью мысли, созревшей в опытах жизни» [Григорьев 2015: 46]. Русский критик хвалит образ Маши Ягодиной — «простоватой и миловидной барышни; о которой дворовые говорили: „Марья Ивановна молодец; она умеет обращаться с нашим братом: она и в кухню зайдет, и на скотный двор прибежит, и окрик даст“, — с этой, по выражению отца, козырем-девкою, имеющею обратиться впоследствии в бой-бабу, уж как способною держать в ежовых рукавицах слабодушного господина, пленившегося ее милою непосредственностью» [Григорьев 2015: 46]. Маша — сестра сострадательной к крепостным Лизе, приглянувшейся славянофилам. Именно Машу взял в жены Платон Глобов — тот самый «слабодушный господин», герой, о котором мы напишем далее.

Сюжетная сторона его эпических произведений удивительно проста, незамысловата, и это обстоятельство подчеркивал еще В. Г. Белинский. Рассуждая о «Старом зеркале» А. Д. Галахова в статье «Взгляд на русскую литературу 1845 года», он дает довольно суровый комментарий: «В повести Ста-Одного „Старое зеркало“ много интересных частных и умных замечок, хорошо очерчено лицо Ивана Анисимовича и дочки его, Маши; но в целом эта повесть не выдержана, и развязка ее как-то странна, неестественна и неудовлетворительна» [Белинский 1955: 397]. В оценке В. Г. Белинского ощущается стремление соотнести текст повести А. Д. Галахова с какой-то определенной «выдержанной» традицией в русской литературе, чтобы тут же отметить, насколько автор от нее далек.

В рассуждениях современных отечественных литературоведов очевидна установка на поиск литературных параллелей в тексте А. Д. Галахова. Так, некоторые исследователи видят в «Старом зеркале» повтор известных сюжетных ситуаций, привычных для литературы «натуральной школы», в частности ситуации соперничества сестер в любви [Пономарева 2017]. Рабочая группа по изучению русской повести XIX в. в Высшей школе экономики квалифицирует сюжет «Старого зеркала» как сюжет «предсказания» [Сюжетная ситуация «Предсказание» 2023], помещая повесть

в контекст русских романтических произведений с аналогичным сюжетом.

Наследуя традиции романтизма, автор выбирает название своего произведения. Зеркало не только обладает способностью отражения внешнего мира; оно удваивает действительность и создает двойников. В этом отношении имя героя — Платон — подходит для реализации проблематики повести; античный философ говорит о двух мирах — изменчивом чувственном и умопостигаемом мире идей, существующем вне времени и пространства. Старое зеркало — память — отражает прошлое, оживляя в сознании героя образы из юности. При этом условность сюжета «путешествия в прошлое» отходит на второй план. В орбиту авторского внимания попадает настоящее, в котором очевидна ошибка Глобова, выбравшего в жены не ту сестру. Мотив «ошибки» — это движущий элемент сюжета, центром которого выступает роковая оплошность главного героя в выборе жены. Автор вносит в любовную коллизию мотивы романтизма: трагическая предопределенность этой ошибки была открыта герою в результате гадания на картах. В то же время в образе провинциальной героини Лизы Ягодиной, по наблюдению Ю. Ю. Афанасьевой [Афанасьева 2009: 135], несомненно, чувствуется влияние повести М. Жуковой «Самопожертвование», где главная героиня тоже названа Лизой. Впрочем, это имя имеет более длительную историю, как подсказывает повесть «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина со всей атрибутикой: белое платье, чистота, любовь к природе и к людям. Героиня А. Д. Галахова, дочь небогатого помещика, несмотря на окружающий ее мещанский быт, мечтает о разумной жизни, основанной на справедливых законах. В письме к своей приятельнице она развивает мысли о необходимости изменения окружающего ее мира: «Я ничего не понимаю, что делается около меня. <...> Здесь живут не так, как надобно жить. В этом уверяют меня и природа, и внутренний голос чувства, и слова спасителя. <...> Человек забывает нравственный, высочайший закон, который велит ему находиться в мире с ближними, любить их, как самое себя. Но где же этот мир и любовь? Где братские между ними отношения? Я не вижу их в нашем доме,

не вижу в нашем селе, не вижу и в других селах и деревнях» [Галахов 1845: 216]. Мысли Лизы Ягодиной в какой-то степени перекликаются с мыслями Родиона Раскольникова, Ивана Карамазова у Ф. М. Достоевского об отсутствии гармонии в мире, о неправильности всего происходящего. Лиза — сильная героиня [Пономарева 2017: 70], новый женский тип в литературе; она устремлена к идеалу, рефлексивна и размышляет о мире вокруг себя. Примета русской литературы 40-х гг. XIX в.: отсутствие героя мужского типа, готового совершить активно-ответственный поступок, способного вправить сустав вывихнутого века.

Не вызывает сомнения, что «Старое зеркало» ориентировано на пушкинский претекст как в плане сюжета, так и в плане интертекста, выстроенного вокруг мотива внутрисемейных отношений. А. А. Пономарева рассматривает «Старое зеркало» как репрезентативный пример реализации пушкинской ситуации у А. Д. Галахова: «Ее суть можно сформулировать так: старшая сестра влюбляется в героя, приехавшего в соседнее поместье; он отвечает взаимностью на чувства девушки; влюбленные решают пожениться; они встречают препятствие (родственники против брака, младшая сестра / подруга / благодетельница влюблена в героя). Разрешение коллизии чаще всего драматично: влюбленные расстаются» [Пономарева 2017: 138]. А. Д. Галахов беллетристически обработал «онегинские» события. Вероятно, как раз такая обработка вызвала ответную реакцию у В. Г. Белинского.

«В повествовании объясняется, по какой причине герой увлекся младшей сестрой, — продолжает свое рассуждение А. А. Пономарева. — В отличие от Ленского, который так и не успел повзрослеть, Глобов, в прошлом поэт, к моменту знакомства с героиней, охладил душой: забыл “эфирных дев, перед которыми горел огонь фантастического обожания”, увлекся красотами более доступными» [Пономарева 2017: 138]. В этой характеристике намечена метаморфоза, случившаяся с Глобовым, переход от состояния романтической увлеченности к реалистическому видению мира. Другими словами, Платон Глобов — «повзрослевший» Владимир Ленский, женившийся на Маше / Ольге.

Существует мнение, что повесть «Старое зеркало» написана в лермонтовской традиции. Соответственно, герой повторяет модель поведения Печорина. Может показаться, что герой-мужчина копирует поведение «лишнего человека». Но это далеко не так.

Вопрос о «трансформации» уже известного типа героя носит для нас принципиальный характер. Поэтому остановим на нем свое внимание. Платон Глобов — необычное сочетание имени и фамилии. Платон — имя древнегреческого философа. Глобов — фамилия, не распространенная в России. Складывается впечатление, что носитель этого имени и фамилии — персона достаточно экзотичная в русской действительности. Он — поэт, любитель деревенской жизни: «Глобов любил деревню, как любят ее все недалевидные поэты: он даже сам как-то воспевал серебряные волны рек, свирели невинных пастухов, теплые молитвы благодарного поселянина, злато полей, волнуемых дыханием зефира, — все, что нужно для идиллии» [Галахов 1845: 203].

«Платон Петрович был воспитан так же, как воспитывались почти все люди нашего поколения. Правила для жизни шли у него отдельно от жизни, знания не прилагались к действительности. Школа говорила ему одно, свет представил другое. Гибельное разногласие между голосом науки и требованиями общества произвело в нем тот внутренний раздор, от которого один и тот же человек распадается на два противоположные существа. Что значит образ мыслей, несогласный с образом поведения? Парадно платье, взятое напрокат, сшитое не по нас, — мертвый капитал, бесполезный владельцу, еще меньше полезный другим. Человек в этом платье — скелет, увитый розами» [Галахов 1845: 202]. Беда Глобова — в раздвоенности, его мысли и действия рассогласованы. Герой не гармонирует с миром: «дело должно покоряться мысли, мысль должна переходить в дело. Этого-то и не было в герое нашего рассказа» [Галахов 1845: 203]. Автор повести делает акцент на том, что Глобов не способен к делу. «Пустой человек», — такую характеристику дает ему повествователь [Галахов 1845: 207]. «Мы все Глобовы, больше или меньше» [Галахов 1845: 208], — подводит итог повествователь, обозначив общую проблему времени.

Платон Глобов и герои, подобные ему в малой прозе А. Д. Галахова, П. Н. Кудрявцева, А. Ф. Вельтмана, П. А. Анненкова и др., не являются носителями гамлетовского или байроновского комплекса. Их не тяготит несправедливость миропорядка. Они не претендуют на роль вершителей судеб мира и преобразователей действительности. Они не заняты познанием мира, не открывают истины, а принимают мир таким, каким он создан Творцом. Тайны мира им неведомы, поскольку мир непознаваем. События их жизни сосредоточены исключительно в земном пространстве. В этом пространстве мужчины не проходят испытания делом, любовью. Смерть как событие перехода в «иномирье» авторами во внимание не принимается. Герои не ропщут на Всевышнего, не стараются обнаружить его присутствие в мире, даже когда им плохо (таким образом, проблема библейского Иова исключается).

5. Образ мира в повести «Старое зеркало»

Структура мира в повести «Старое зеркало» удваивается благодаря окну и зеркалу. Зеркало разделяет мир на «здесь» (посюстороннее) и «там» (потустороннее): «В этот вечер, когда семейные обстоятельства вызывали его из Москвы в деревню, перед ним больше чем когда-нибудь ложился вопрос: что ожидает тебя там? Что отставляешь ты здесь?» [Галахов 1845: 179]. Начало текста отмечено мрачным состоянием духа повествователя: «Буйная метель разыгралась в поле; узоры, вытканые морозом, заволокли окна моего ветхого дома, и тьма скоро ляжет на пустынные окрестности села» [Галахов 1845: 172]. Зима, метель, деревня отсылают к А. С. Пушкину. Окно можно рассматривать как символический способ связи с внешним миром. «Особое значение окна проявляется в том, что оно связывает жилище / дом не просто с внешним миром, но и с миром космических явлений, таких как солнце, луна, стороны света» [Смирнов 2001: 46]. Таким образом, повествователь в начале текста, занимая позицию у окна, вписан в глобальную космическую картину мира.

Мотив потусторонности в тексте достигается не только через упоминание зеркала, но и через многочисленные романтические

образы: непонятное предсказание на картах; неведомый голос, который зовет мальчика по имени; сон Лизы, в котором умершие подруги дают ей наказ: «Лиза, люби людей!» [Галахов 1845: 207].

Стоит отметить, что внимание к потусторонности устанавливается в секуляризованном мире. «„Потустороннее“ — это то, что очевидным образом выходит за рамки естественного. Секулярный же мир на то и секулярный, что будто бы приемлет только естественное. Потому гораздо уместнее, по-видимому, предположить интерес к потустороннему в пределах культуры религиозной, знающей наличие сакральной реальности и оперирующей такими понятиями, как, например, сверхъестественное и сверхчувственное. Вроде бы и потустороннему место в том же ряду. Между тем при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что потустороннее — совсем не религиозная тема; напротив, возникает она именно в рамках секулярного мироощущения, и по-своему это вполне закономерно» [Сурикова 2012: 172].

Образ мира, выстроенный А. Д. Галаховым, предполагает наличие не только данной, видимой, реальной действительности, но и сакральной реальности, лежащей в основе всего сущего. Сакральная реальность проявляет себя в предсказаниях, снах. Онейрическое пространство буквально вытесняет профанную реальность в письмах героини (Лиза пишет шесть писем к своей подруге).

Исследование композиции повести указывает на то, что ошибка или сюжетное противоречие является авторским приемом в тексте [Сидоренко 2021: 19–27]. Пространство повести «Старое зеркало» лишено логических закономерных связей: Платона Глобова влечет к Маше, Маше нравится Барбосов, Глобова любит Лиза, в Лизу влюблен цыган.

Персонажи повести не в силах сделать правильный шаг и принять верное решение. Их жизнь полна случайностей. Случайность можно расценивать как ключевое качество картины мира русской беллетристики в середине XIX в. Одним из основоположников концепции «случайности» применительно к художественному миру является Н. К. Михайловский [О Вон Ке 2000]. В этой модели мира нет иерархии предметов, признаков, качеств яв-

ления, установленной уже самим отбором материала и подчеркнутой формой его организации. На случайность как возведенное в энную степень качество бытия указывает С. Бочаров [Бочаров 2013].

Семья становится мнимой ценностью в новом, еще одном (не абсолютном) мире. Кризис института брака, среди прочего, указал на устаревание идеи о нерасторжимости брака. «Соблазнить девушку, увлечь, ради минутной прихоти, замужнюю женщину, завязать связь с какой-нибудь модисткой или горничной и, когда надоест, бросить ее, — это сплошь и рядом выдавалось за практическое приложение принципов жоржзандизма», — емкое наблюдение одного из исследователей [Бурмистрова 2010: 74].

Точки зрения человека и Божественной инстанции в секуляризованном мире не пересекаются. Смертный человек сосредоточен на своем внутреннем бытии, что отражается в письмах, воспоминаниях, дневниковых записях. Его проблемы чаще связаны с житейскими запросами — свадьба, женитьба, организация домашнего быта. От него не требуется защита Отечества и сражение на поле брани; он не защищает интересы своего рода и семьи, как Гамлет, не жертвует жизнью во имя высоких идеалов, как Дон Кихот, не занят поиском истины, как Фауст. Если все же случается чья-то гибель, то событие не воспринимается как трагическое.

Секуляризованный мир порождает героя, не способного к совершению поступка. Понятие «поступок» в таком мире обесценивается.

6. Заключение

Знакомое сюжетное построение в повести А. Д. Галахова оборачивается обесмысливающими деталями и концовками. Следствие таких трансформаций — дегероизация основного действующего лица. Содержание повести А. Д. Галахова «Старое зеркало» можно рассматривать как еще одно свидетельство появления в русской литературе 40-х гг. «непоступающего героя», его непоступание становится базовой характеристикой мира. Аналогичные тенденции прослеживаются в сочинениях П. Н. Кудрявцева («Флейта»,

«Живая картина», «Цветок», «Последний визит»), А. И. Герцена («Кто виноват?»), И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Иван Савич Поджабрин»), Н. А. Некрасова («Макар Осипович Случайный»), А. Майкова («Машенька»), П. А. Анненкова («Кирюша») и др.

Место такого героя в мире неопределимо, что влечет за собой невозможность осуществления поступка, если под понятием «поступок» понимать действие, которое влечет за собой ощущение причастности героя бытию. Разрабатывая проблему поступка в своей ранней философской работе «К философии поступка», М. М. Бахтин обратил внимание на принципиальную ее связь с переживанием, которое испытывает поступающий по поводу своего места в мире. Иными словами, картина мира, в которую встроены поступающий субъект, обязательное условие возникающего импульса — поступка. С учетом этого обстоятельства следует признать, что разрушение художественной картины мира в кризисных фазах литературной истории должно неизменно сопровождаться кризисом поступка, невозможностью его воплощения в мире. Именно это и становится неизменной чертой беллетризованных опытов А. Д. Галахова.

Утрата привычного образа героя на том месте, где он совсем недавно находился, приводит к «кризису поступка» героя. В этом усматривается основной вектор развития русского литературного процесса сороковых годов XIX столетия.

Источники

Галахов 1845 — Галахов А. Д. Старое зеркало // Отечественные записки. 1845. № 9. С. 200–273.

Литература

Афанасьева 2009 — *Афанасьева Ю. Ю.* Творчество М. С. Жуковой в литературном процессе 30–50-х годов XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 4 (82). С. 134–138.

Бахтин 2003 — *Бахтин М. М.* К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ти тт. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 3–45.

- Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Русская литература в 1845 году // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 тт. / редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 9. Статьи и рецензии. 1845–1846 / тексты подгот. и коммент. сост. В. С. Спиридоновым и Ф. Я. Приймай; ред. В. А. Десницкий. М.: АН СССР, 1955. С. 378–406.
- Бочаров 2013 — *Бочаров С.* Синяя птица Александра Чудакова: Сборник памяти Александра Павловича Чудакова [электронный ресурс] // URL: <https://biography.wikireading.ru/hxfpz378PF> (дата обращения: 07.11.2023).
- Бурмистрова 2010 — *Бурмистрова С. В.* Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 73–79.
- Бушуева 2019 — *Бушуева Л. А.* Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование (на материале русского и английского языков): дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2019. 530 с.
- Галахов 1848 — *Галахов А. Д.* Русская литература в 1847 году // Отечественные записки. 1848. Т. LVI, № 1. Отд. V. С. 18–21.
- Галахов 1999 — *Галахов А. Д.* Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с. (Россия в мемуарах).
- Григорьев 2015 — *Григорьев А. А.* «Причуды». Комедия П. Н. Меншикова («Современник», 1850, № VIII) // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика в России первой половины 1850-х годов / сост. А. В. Вдовин, А. С. Федотов, К. Ю. Зубков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 43–50.
- Джумайло 2014 — *Джумайло О. А.* Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 43 с.
- Земляникин 2018 — *Земляникин А. П.* Поступок-служение в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» // XLVI Ломоносовские чтения: сборник материалов науч.-практ. конф. (Северодвинск, 16–18 ноября 2017 г.). Архангельск: САФУ, 2018. С. 101–105.
- Кристалёва 2010 — *Кристалёва Л. Г.* Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах — опыт реконструкции). М.: ИФРАН, 2010. 123 с.
- Николаев 2012 — *Николаев Н. И.* Литературный герой в мире его поступка // Дискуссия. 2012. № 3 (21). С. 173–176.
- Николаев, Швецова 2014 — *Николаев Н. И., Швецова Т. В.* Мотивы самоубийства героинь тургеневских повестей // Знание. Понимание. Уме-

- ние. 2014. № 4. С. 251–259.
- О Вон Ке 2000 — *О Вон Ке*. О поэтике объективности А. П. Чехова: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. 190 с.
- Пономарева 2017 — *Пономарева А. А.* Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 196 с.
- Селезнева 2006 — *Селезнева М. А.* Поэтика характеров в «Рассказах 1922–1924 годов». М. Горького: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 21 с.
- Сидоренко 2021 — *Сидоренко А. В.* Сюжетные противоречия: ошибка или авторский расчет (повесть А. Д. Галахова «Старое зеркало») // Первые научные штудии: сб. науч. тр. (Новосибирск, 01 сентября – 30 октября 2021 г.) / отв. ред.: Н. А. Агеева, Е. Г. Николаева. Вып. 11. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2021. С. 19–27.
- Смирнов 2001 — *Смирнов В. А.* Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (Архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX вв. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Бунин): дисс. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2001. 310 с.
- Сурикова 2012 — *Сурикова О. С.* Понятие потустороннего в западноевропейской культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 2. С. 172–182.
- Сюжетная ситуация «Предсказание» 2023 — Сюжетная ситуация «Предсказание» [электронный ресурс] // URL: <https://philology.hse.ru/gusnovel/prophesy> (дата обращения: 07.11.2023).
- Ханинова 2006 — *Ханинова Р. М.* Психология литературного героя в аспекте философии поступка // Ханинова Р. М. Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. С. 12–38.
- Швецова 2014 — *Швецова Т. В.* «Уход из мира» как поступок в нравственном мире героев И. С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 203–206.
- Швецова 2020 — *Швецова Т. В.* Методологические подходы к изучению понятия «Поступок литературного героя» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 1. С. 26–34.